

ДО РОЖДЕНИЯ: НА ГРАНИЦЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

© 2017

Т.О. Новикова

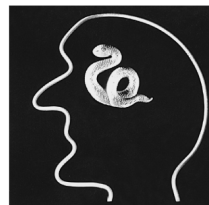
Когда появляется человек? Что служит отправной точкой подлинно человеческого существования? Является ли момент рождения своего рода демаркационной линией, отграничивающей бытие человека от до-человеческого и / или не-человеческого внутриутробного существования? Или же понятие границы весьма условно, ибо речь идет не о завершении перехода, не о принципиальной разнице между началом и концом, а, скорее, о бытии *на* границе, “где одно с необходимостью полагает другое, где возможны взаимопроникновение и взаимопереходы одного в другое, где обнаруживается принципиальная “незавершенность и незавершимость человека” (К. Ясперс)” [6, с. 48].

В философии существуют различные подходы к пониманию того, что есть граница. Она может мыслиться как предел, как некое отрицание иного или как порог, осуществление встречи бытия и ничто.

Одним из критериев *человеческого* является определение его как субъекта прав и свобод. В Конституции РФ говорится, что “основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения” [5].

Даже если рассматривать рождение как границу, отделяющую человеческое существование от нечеловеческого, то и здесь возникает огромное количество вопросов. Сама дата родов оказывается весьма условной и предполагает возможность преждевременного появления ребенка на свет. Как в таком случае относиться к глубоко недоношенным детям? Каковы здесь критерии “человечности”? С точки зрения российского законодательства, медицинскими критериями рождения, то есть появления *человека* на свет, являются срок беременности от 22 недель и более и масса тела ребенка при рождении от 500 г. При этом, даже в случае отсутствия признаков жизни (таких, как сердцебиение, дыхание, мышечная активность и пр.), появление на свет регистрируется как мертворождение [7].

Но и в случае своевременных родов появляющийся на свет младенец характеризуется незрелостью психической сферы, не проявляет в полной мере всей своей “человечности”. Еще в XIX веке Дж. Фиске, американский историк и философ, в своей работе “Значение младенчества” (The meaning of Infancy) [19] определяет этот этап человеческой жизни в качестве важного эволюционного фактора, отчасти даже сопоставляя его роль с ролью естественного отбора. Обоснует данную

**ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

**Новикова
Татьяна**

Олеговна —
кандидат философских наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии с курсом мелико-биологических дисциплин ГБОУ ВПО “Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет” Минздрава России. Постоянный автор журнала. E-mail: tatolnov@gmail.com

точку зрения Фиске следующим образом: эволюция человека касается, прежде всего, не изменения физического облика и строения организма человека, а связана преимущественно с психическим развитием. Деятельность человека чрезвычайно сложна и многоаспектна, действия, производимые человеком, предельно разнообразны и сложны. Такая специфика человеческой двигательной активности и деятельности подразумевает высокую степень развития интеллекта. За период внутриутробного развития все многообразие связей, обеспечивающих скоординированную, подкрепленную интеллектом деятельность, не может быть образовано. Поэтому период младенчества и выступает базисом, на основе которого выстраивается настоящий человек, принципиально отличающийся от всего животного мира и занимающий доминирующее положение в природе [ibid.]. В этой связи интересно, что существуют культуры, в которых наступление младенчества как первой ступени собственно человеческого существования откладывается на некоторый период после рождения. Например, в языке аборигенов Арнемленда новорожденные обозначаются тем же термином, что и плод. Только когда новорожденный начинает улыбаться (а это происходит в среднем в возрасте 3–6 недель после рождения), его начинают называть ребенком, и этот термин закрепляется до достижения возраста 9–12 лет [18].

Существующее многообразие морально-экзистенциальных проблем утробного и послеутробного развития включает несколько важных аспектов, по поводу которых высказываются разные точки зрения. [9]. Все выделенные позиции условно можно разделить на естественнонаучные, артикулируемые, как правило, генетиками и эмбриологами, и гуманитарные. Каждая из рассматриваемых в рамках анализа естественнонаучная позиция связывает начало человеческой жизни с определенным временным периодом и характерным для него этапом формирования конкретной системы жизнеобеспечения.

К гуманитарным позициям, с точки зрения И. Силуяновой с соавторами, относятся:

- Теологическая позиция, которая заключается в утверждении, что человеческая жизнь именно как человеческая начинается с момента оплодотворения и зародыш уже на ранних стадиях внутриутробного развития являет собой не что иное, как личностное бытие.

- Юридическая позиция, в рамках которой эмбрион рассматривается как возможный субъект/объект правовых отношений. Здесь важно именно то, как понимается эмбрион, ведь только субъектный статус задает модус человеческого существования и возможность определять эмбрион / плод как *кто*, а не *что*.

- Психоаналитическая позиция, рассматривающая внутриутробное развитие как значимый этап в становлении личности и подчеркивающая, что антенатальный опыт выходит за рамки сугубо биологических процессов и включает значимые психические составляющие. С точки зрения данной позиции, не существует непреодолимой пропасти между опытом до и после рождения, и полученные внутриутробно переживания (как позитивные, так и негативные) оказывают влияние на протяжении всей постнатальной жизни.

- Градуализм. Позиция заключается в утверждении, что происходит постепенное одушевление эмбриона и в процессе этого одушевления приобретаются человеческие и личностные свойства. При этом сторонники данной позиции исходят из того, что начало «онтологичес-

кой индивидуальности” лежит в пределах первых двух недель жизни [9, с. 100–101].

■ Авторами также упоминается позиция социологизма, под которой они объединяют взгляды, своими истоками восходящие к идеям марксизма. В рамках этой позиции сущность человека рассматривается как совокупность общественных отношений [там же, с. 100], а, значит, эмбрион, находясь по ту сторону социума, оказывается и за гранью собственно человеческого существования. И только факт рождения вводит человека в систему общественных отношений и является точкой отсчета человеческого существования.

■ Собственную позицию авторы характеризуют как морально-интенциональный подход к статусу эмбриона. Суть его в том, что эмбрион рассматривается, прежде всего, как субъект моральной рефлексии [там же, с. 103–105].

Еще ранее, а именно в 2003 году, вопрос о статусе эмбрионов и человеческих зародышей был актуализирован в Комитете министров Совета Европы. При комитете по биоэтике была создана рабочая группа по защите эмбрионов и зародышей человека: в ее задачу входила разработка мер по защите прав человека при использовании биомедицинских технологий. Результат деятельности были опубликованы в документе “Доклад о защите эмбрионов человека *in vitro*” [4]. Подробный анализ настоящего текста приводится в статье Б.Г. Юдина “Статус эмбрионов человека: многообразие позиций и аргументов” [14]. В статье анализируются две принципиальные позиции и две промежуточные относительно статуса эмбрионов и зародышей человека, приводятся аргументы, обосновывающие моральный статус эмбриона и демонстрируется, что существующие позиции акцентируют внимание на отдельных, частных аспектах внутриутробного существования [4; 14].

Представляется, что градуалистские подходы, о которых говорит Б.Г. Юдин, ссылаясь на доклад рабочей группы, есть движение от двух крайних позиций, являющихся принципиально различными и задающими отличный контекст осмысления внутриутробного существования как человеческого или, напротив, не/вне человеческого. Исходным пунктом для градуалистских позиций выступает понятие “развитие”, специфические этапы которого и задают ценность эмбриона как морального субъекта.

В рамках настоящей статьи остановимся на двух крайних позициях понимания морального статуса эмбриона, поскольку именно они определяют спектр этических, юридических, политических решений относительно детерминации качества эмбрионального этапа человеческой жизни.

Первая позиция представляет расширенный морально-интенциональный подход и принципиально трактует эмбрион как субъект права и свобод и в этом смысле приравнивает внутриутробное существование к человеческому [1]. Крайнее выражение данной позиции сводится к уравниванию в правах эмбриона и рожденных младенцев [26]. Одним из примеров этой точки зрения может рассматриваться так называемый “Акт о нерожденных жертвах насилия 2004” (“Unborn Victims of Violence Act of 2004”), еще известный как “Закон Лэйси и Коннора” (“Laci and Conner’s Law”) [27]. В рамках документа внутриутробное существование однозначно маркируется как человеческое, более того, вне зависимости от стадии развития зародыш / эмбрион / плод мыслится, прежде всего, и не иначе как ребенок, как представитель *homo sapiens*. Отсюда и отно-

Рис. 1. Мартин Худачек.
Скульптура
Словакия

надпись «и ее нерожденный ребенок» [15, р. 183]. Конечно, если рассматривать этот мемориал с точки зрения его роли и значения для родственников погибших, не возникает никакого сомнения в необходимости подобного указания на еще не рожденных детей. Но, оценивая эти надписи в социокультурной перспективе, мы встаем перед весьма трудными вопросами: «Что происходит, когда мы признаем еще не рожденных жертвами, когда легитимизируем в свете насильственных обстоятельств жизнь плода? Более того, если нерожденные дети понимаются как жертвы, то, что это означает для «всех нас», каков смысл этого принятия «жизни» плода, коллективной идентификации и особой значимости «нерожденных жертв насилия»?» [24, р. 62].

Еще один пласт социокультурной рецепции эмбриона/ плода как субъекта отношений, полноценного человека (личности?) зафиксирован в памятниках нерожденным детям и жертвам абортов. Наиболее известный из них — скульптурная композиция, автором которой является словацкий скульптор Мартин Худачек (рис. 1). Половина скульптуры выполнена из хрустала, тем самым подчеркивается хрупкость и призрачность еще не рожденного ребенка [23]. Подобные памятники нерожденным детям и жертвам абортов установлены в разных странах и городах. В сентябре 2012 года в Риге была проведена акция «За жизнь», которую устроила художница Ева Риекстиня. На площади было размещено 27 фигур детей, ставших жертвами абортов, рядом с каждой располагалась табличка, рассказывающая историю нерождения ребенка (рис. 2) [2]. Таким образом, создание монументов в честь нерожденных детей и жертв абортов — это совершенно особенный вид коллективной памяти, который может быть условно назван «напоминанием». В этом напоминании закрепляется адвокатская позиция, которая также часто транслируется в рамках религиозной философии, биоэтики и политики в сфере абортов. Согласно данной позиции, точкой

шение к нему должно быть человеческое.

Это отношение означает не только признание прав и свобод еще не рожденного ребенка, но и предполагает возможность сохранения памяти о нем в коллективном сознании. Примером по-смертного поминовения еще не рожденных детей может служить Национальный Мемориал и Музей одиннадцатого сентября, построенный в Нью-Йорке с целью увековечения памяти жертв трагедии 2001 года и теракта, совершенного в 1993 году во Всемирном торговом центре. Частью мемориала являются 76 бронзовых плит, на которых высечены имена 2983 жертв. Среди них упоминаются десять беременных женщин, погибших 11 сентября 2001 года, и одна — в результате атаки 1993 года. Их имена сопровождает

Рис. 2. Акция
“За жизнь”. Рига,
Латвия

отсчета человеческой жизни, именно как качественно человеческой, выступает момент зачатия. Поэтому любое посягательство на эмбрион рассматривается как причинение вреда жизни, а аборт — преднамеренное убийство [10].

Необходимо заметить, что споры вокруг статуса человека, начиная с момента зачатия, ведутся не только в рамках религиозных взглядов и воззрений, но и в кругу ученых, принадлежащих к естественнонаучным областям знания. Дискуссии здесь разворачиваются относительно утверждения, что с момента зачатия зародыш обладает всеми потенциями, чтобы осуществить качественный переход и развиваться в человека, более того, уже на стадии зиготы проявляется генетическая и эпигенетическая индивидуальность человеческого организма, и эта “потенциальность” и индивидуальность человеческого эмбриона принципиально не сводима к потенциям стволовых и соматических клеток, использование которых возможно при процедуре клонирования [17].

Вторая принципиальная позиция относительно внутриутробной стадии развития человека заключается в том, что эмбрион понимается как объект отношений. Что же означает эта объектность эмбриона?

С одной стороны, понимая эмбрион в качестве объекта, мы воспринимаем его как вещь среди других вещей, в отношении которой могут возникнуть правовые споры имущественного характера. Интересный пример из юридической практики США приводит в статье о правовом статусе эмбриона Н.А. Белобрагина [1, с. 36]. В рассматриваемом случае эмбрион выступал предметом спора в результате развода супругов и связанного с ним раздела имущества. Наряду с конкретным решением по рассматриваемому делу суд в частности установил, что “человеческий эмбрион не является объектом права собственности. Эмбрионы не могут входить в общий объем имущества, принадлежащего супругам, и к ним неприменимы общие правила о разделе имущества” [там же, с. 35]. Данный пример говорит о том, что действительно в ряде случаев эмбрионы понимаются как объекты правовых отношений, но вместе с тем они принципиально отличны от других объектов права.

С другой стороны, объектность человеческого эмбриона означает еще и то, что он понимается не как самостоятельный отдельный организм, а как часть организма матери, и в этом смысле приравнивается к другим органам и системам органов человека. Примером такого понимания может служить упомянутый выше социологизм в осмыслении статуса эмбриона и идеология, лежащая в основании легализации аборт [9, с. 103].

Следует отметить, что рассмотренные позиции не раскрывают всей глубины проблемы, поскольку в зависимости от того, каким образом мыслится моральный статус эмбриона, решается целый ряд конкретных юридических, медицинских, этических вопросов. Если говорить о нашей стране, то и в действующем законодательстве четкие представления о статусе эмбриона отсутствуют. С одной стороны, правами и свободами человек обладает от рождения (ст. 17 Конституции РФ [5]), следовательно, эмбрион не наделен статусом человека, а российское законодательство допускает искусственное прерывание беременности как по медицинским, так и социальным показаниям (ст. 56 ФЗ РФ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”) [12]; эта же объектность эмбриона отражается и в законах, касающихся репродуктивных технологий и экстракорпорального оплодотворения [8; 12]. С другой стороны, можно говорить о косвенной защите эмбриона на примере уголовного кодекса РФ, из которого следует, что беременность может быть рассмотрена как фактор, смягчающий наказание (ст. 61, УК РФ) [11] в случае вины женщины, и как отягчающее обстоятельство, если преступление совершено в отношении беременной женщины (ст. 63, УК РФ) [там же]. Кроме того, в уголовном кодексе есть статья, предусматривающая наказание за незаконное искусственное прерывание беременности (ст. 123 УК РФ) [там же], однако строгость его в рамках этой статьи невысока, данное преступление не предусматривает даже лишения свободы (за исключением п. 2, когда незаконный аборт может повлечь смерть женщины), то есть незаконное прерывание беременности не квалифицируется в рамках уголовного законодательства как убийство пока не рожденного человека. Еще один правовой аспект, в котором в какой-то мере защищаются и / или предполагаются права эмбриона, связан со ст. 1116 Гражданского кодекса РФ, оговаривающей права наследования [3]. В этой статье говорится о том, что “к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства” [там же]. Таким образом, приведенные примеры еще раз иллюстрируют, что статус до рождения оказывается неопределенным, и даже в рамках действующего законодательства происходит пересечение субъектной и объектной плоскостей бытия до рождения.

Эта неопределенность только усиливается современной культурой. Проблематизация нижней границы определения человеческого в пространстве современной культуры и общества связана с существенным прогрессом в области цифровых технологий. Длительное время рождение знаменовало собой встречу, некую со-бытийность, когда родители впервые встречали своего малыша. Сегодня первые свидетельства жизни получаются посредством ультразвуковой диагностики. Кадры сонограм становятся реальностью переживания беременности [22], они — не просто диагностический маркер благополучия и нормативности развития плода, а свидетельство встречи женщины с ее еще не рожденным ре-

бенком. 3–4D УЗИ-диагностика меняет свое назначение, она все чаще используется не только как медицинская технология, позволяющая делать детальный скрининг, а становится мощным социальным ресурсом, способствующим формированию бондинга¹ [21].

Таким образом, происходит некая гуманизация существования до рождения. В рамках современной культуры вопрос уже состоит не в том, с какого срока беременности возможно делать УЗИ-снимки и 3D-реплики, учитывая всю многозначность смыслов, вкладываемых в них, а в том, кто может / должен видеть эти фотографии, поскольку тогда актуализируется еще один вопрос: могут ли УЗИ-фотографии рассматриваться как объявление о появлении нового человека в мире [20]?

В сентябре 2010 года компания “AVG”, работающая в сфере обеспечения интернет-безопасности, провела исследование, в котором приняли участие 2200 матерей из разных стран, воспитывающих детей в возрасте до двух лет [16]. Это было одно из пионерских и достаточно масштабных исследований. Полученные уже тогда результаты позволили сделать вывод о чрезвычайно ранней виртуализации детства. Согласно приводимым данным, доля присутствия детей в Сети в разных странах различна (таблица) [ibid.]. Однако в целом можно говорить о неких схожих тенденциях: чем старше ребенок, тем чаще родители выкладывают его фотографии, тем шире его виртуальное присутствие. Кроме того, необходимо отметить, что более 23% матерей из разных стран размещают онлайн антенатальные сканы своих детей. Интересно, что в ряде стран (например, США, Канада, Япония) процент представленности в цифровом пространстве фотографий новорожденных детей и УЗИ-сканов

Т. Новикова
До рождения

¹ Бондинг (англ. bonding) — воссоединение матери с ее ребенком на тонком интуитивном уровне, умение чувствовать друг друга на расстоянии, понимать внутреннее состояние с полувзгляда, предугадывать желания, предупреждать проступки.

Виртуальное присутствие младенцев

Страна	Выкладывание фотографий в Интернете, доля в %			Создание ребенку персонального e-mail	Создание ребенку персонального профиля в социальных сетях
	Детей в возрасте до двух лет	Новорожденных	Антенатальные сканы		
США	92	33	34	6	6
Канада	84	37	37	9	8
Великобритания	81	37	23	4	4
Франция	74	26	13	7	2
Италия	68	26	14	7	5
Германия	71	30	15	7	5
Испания	71	24	24	12	7
Австралия	84	41	26	7	5
Новая Зеландия	91	41	30	4	6
Япония	43	19	14	7	8
Всего:	81	33	23	7	5

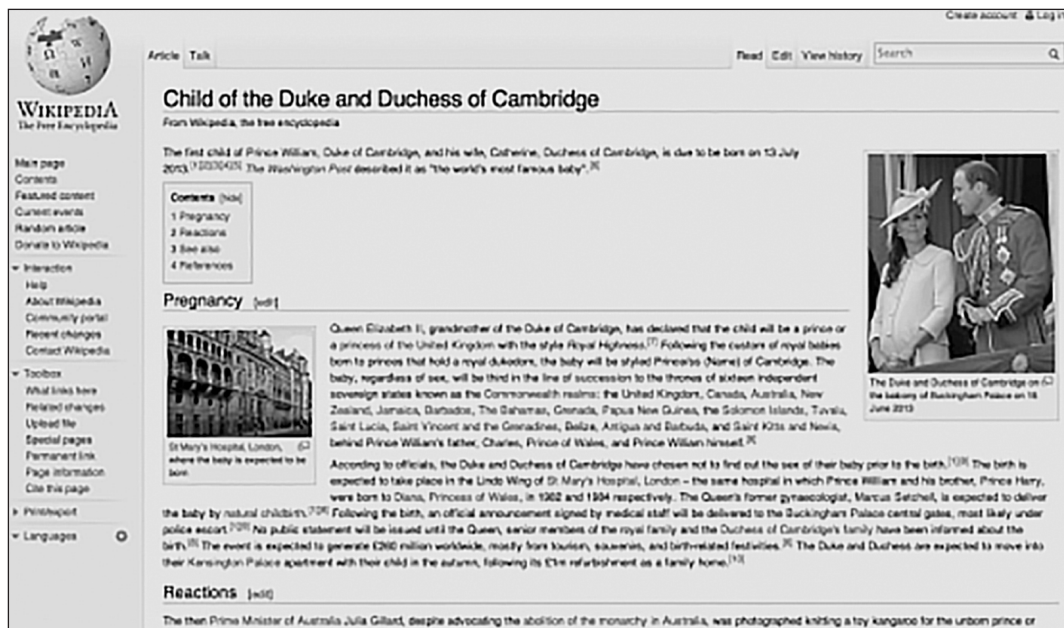

Рис. 3. Страница Википедии “Ребенок герцога и герцогини Кембриджских”

эмбрионов сопоставим или имеет незначительное отличие (таблица). Тенденция может выступать наглядной иллюстрацией стирания границ между существованием до и после рождения и чрезвычайной гуманизации эмбрионов.

Исследователи заключают, что современный человек получает не только реальное, но и дигитальное рождение, и это дигитальное рождение по срокам значительно опережает реальную дату родов [ibid.]. Пожалуй, одним из ярких примеров, наглядно иллюстрирующих ситуацию дигитального рождения, может служить прецедент создания в 2013 году страницы Википедии на нескольких языках, посвященной еще не рожденному тогда принцу Джорджу Кембриджскому (рис. 3) [25].

Таким образом, история человека начинается еще до того, как он / она появится на свет. И чем условнее становится грань между жизнью до и после рождения, тем острее звучат споры вокруг статуса эмбриона. Ведь от понимания его в контексте субъект-субъектных или субъект-объектных отношений во многом зависит решение целого ряда этических, юридических, медицинских, политических вопросов.

Литература

1. Белобрагина Н.А. Правовой статус эмбриона // Известия Тульского государственного ун-та. Экономические и юридические науки. 2013.
2. В Латвии ежедневно делаются 27 абортот // VESTI.LV: Новости Латвии. Политика. Экономика. Спорт. Общество. 10.09.2012. URL://vesti.lv/news/v-latvii-ezhednevno-delayutsya-27-abortov/print (дата обращения: 25.09.2016).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья). 26.11.2001. № 146-ФЗ (ред. от 03.07.2016); с изм. и доп., вступ. в силу

с 01.09.2016. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 25.09.2016).

4. Доклад по вопросам защиты эмбриона человека *in vitro* // Руководящий комитет по биоэтике Совета Европы (CDBI). Защита эмбриона человека *in vitro*. Доклад Рабочей группы по защите эмбриона и плода человека (CDBI-CO-GT3) / Пер. на рус. яз. Л.А. Резниченко. Научн. ред.: член-корр. РАН Б.Г. Юдин, проф. Л.Ф. Курило. URL:<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016803113e8> (дата обращения: 20.10.2016).

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 25.09.2016).

6. Куликова Т.В. Философия “границы” в контексте гуманитарного познания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №1 (3). С. 47–54.

7. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27.12.2011 №1687. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 25.09.2016).

8. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 11.06.2015) “О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению” (зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 за № 27010). Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 25.09.2016).

9. Силуянова И.В., Першин М.С., Ляуш Л.Б., Макеева И.М. Статус эмбриона // Человек. 2007. № 2.

10. Тасаков С.В. Нравственные критерии определения начала жизни человека как объекта уголовно-правовой охраны // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 206–209.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации. 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) / Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 20.10.2016).

12. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016). Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 20.10.2016).

13. Эпштейн М.Н. Отцовство: метафизический дневник. СПб.: Алетей, 2003.

14. Юдин Б.Г. Статус эмбрионов человека: многообразие позиций и аргументов // Человек. 2004. № 2.

15. Blais A., Rasic L. A place of remembrance: Official book of the national September 11 memorial. Washington: National geographic. 2011.

16. Digital Birth: Welcome to the Online World // Business Wire. A Berkshire Hathaway Company. 2010. October the 6th. URL: <http://www.businesswire.com/news/home/20101006006722/en/Digital-Birth-Online-World> (дата обращения: 26.10.2015).

17. George R.P., Lee P. Embryonic human persons. Talking Point on morality and human embryo research // EMBO Rep. 2009. Value. 10. № 4.

18. Gottlib A. Where Have All the Babies Gone? Toward an Anthropology of Infants (and Their Caretakers) // Anthropological Quarterly. 2000. Vol. 73. №. 3. Youth and the Social Imagination in Africa. Part 1.

19. *Fiske J.* Meaning of Infancy. Create Space Independent Publishing Platform. 2015.
20. *Leave T.* Born Digital? Presence, Privacy, and Intimate Surveillance // Re-Orientation: Translingual Transcultural Transmedia. Studies in narrative, language, identity, and knowledge Shanghai / Ed. by J. Hartley & W. Qu. Shanghai: Fudan University Press. 2015.
21. *Lupton D.* Digital bodies // The Routledge Handbook of Physical Cultural Studies. / Ed. By Silke M., Andrews D. and Thorpe H. London: Routledge, 2015. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2606467 (дата обращения: 26.10.2015).
22. *Lupton D.* The Social Worlds of the Unborn. UK: Palgrave Macmillan, 2013.
23. Memorial for Unborn Children: An interview with Martin Hudbик. 2012. September 16th. URL: <https://evenifministries.wordpress.com/2012/09/16/410/> (дата обращения: 25.09.2016).
24. *Murray S.J., Vanderwees C.* / Ed. by: C. Colaguori ed. // In: Security, Life and Death: Governmentality and Biopower in the Post-9/11 Era. de Sitter Publications; 2013.
25. Prince William and Kate's baby becomes first person to get Wikipedia page before being born// Royal Central. 2013. July the 2nd. URL: <http://royalcentral.co.uk/uk/cambridges/prince-william-and-kates-baby-becomes-first-person-to-get-wikipedia-page-before-being-born-10517> (дата обращения: 25.09.2016).
26. The Unborn Human. / Ed. by D.L. Lupton: Open Humanities Press (open access digital book).2013. URL: http://www.livingbooksaboutlife.org/books/The_Unborn_Human (дата обращения 25.09.2016).
27. Unborn Victims of Violence Act of 2004, or Laci and Conner's Law. United States Code. Second Session, 108th Congress, 2004. Vol. Title 18. Chap. 90.

НОВЫЕ КНИГИ

- Смолл М.* При чем здесь любовь? Эволюция взаимоотношений полов / Пер. с англ. М.: СветЛю, 2015. 312 с.
- Фрейд З.* Навязчивость, паранойя и перверсия / Пер. с нем. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
- Харрис С.* Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей / Пер. с англ. М.: Карьера Пресс, 2015. 336 с.
- Целмс Г.М.* Мы живем, под собою не чуя страны...: Воспоминания простого русского человека. М.: Новый хронограф, 2015. 424 с.: ил.
- Чалдини Р.* Психология влияния / Пер. с англ. 5-е изд. СПб.: Питер, 2015. 336 с.
- Чеканский А.Н., Коцоева В.А., Варюхин С.Е.* Управленческая экономика: Практика применения: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ИД "Дело" РАНХиГС, 2015. 170 с.
- Шейнов В.* Поссорься со мной, если сможешь. Психология бесконфликтного общения. СПб.: Питер, 2016. 224 с.
- Яковлев В.Ф.* Начало амнезиоскопии: Взгляд в забытое прошлое. М.: Роса, 2016. 304 с.